

Греков А. У.

Л. Г. Оршанский – первый исследователь зарубежной игрушки в России.

На богатом и плодородном культурном слое России конца 19-первой трети 20 вв. произошло много выдающихся личностей, чье творчество можно определить как научный дилетантизм. Их имена и деяния давно уже стали достоянием общекультурной традиции и широко известны во всем мире. Однако до сих пор не прекращается процесс восполнения потерянных звеньев в цепи отечественной истории культуры.

Льву Григорьевичу Оршанскому, которому посвящен этот очерк, повезло в меньшей степени, чем его именитым современникам и коллегам Александру Николаевичу Бенуа или Николаю Дмитриевичу Бартраму. Бартрам и Бенуа, будучи профессиональными художниками, имели прямое отношение к изобразительному искусству. Интерес же к народному искусству и к игрушке вызрел у них постепенно и полностью укладывается в русло времени. Оршанский же, бывший по своему образованию врачом, отношения к искусству не имел. Но весь его жизненный путь пролегал в непосредственной близости от искусства, рядом с искусством. Иногда же его работы проходили на стыке науки и искусства. Это и его исследования, посвященные искусству душевнобольных, или искусству заключенных, или детскому творчеству, или примитивному искусству. Чем бы он ни занимался, ко всему подходил как психиатр, пытаясь докопаться до механизма явлений. Венцом же его занятий народным искусством стала известная многим специалистам книга «Художественная и кустарная промышленность СССР. 1917-1927», изданная в 1927 г. в Ленинграде.

Эта книга имела важное значение для многих специалистов и как теоретический труд, и как документ эпохи.

Сама постановка вопроса о крестьянском искусстве из уст дилетанта в высшей степени примечательна и важна. А введение в научный обиход применительно к народному творчеству таких понятий, как историчность, народность, почвенность, национальная индивидуальность и самобытность, способность к восприятию и переработке влияний, свидетельствуют о глубине вскапывания научных пластов. Таким образом, книга «Художественная и кустарная промышленность СССР» – одна из первых, если не первая серьезная научная монография о народном творчестве.

16 ноября 1981 г. автору настоящего очерка удалось первый и последний раз встретиться с Н.Л. Оршанской – дочерью исследователя. Все-го один долгий разговор о жизни ее отца и ее собственном пути, а затем, до 1984 г. – времени ее кончины – несколько писем и открыток с фрагментами воспоминаний о ее детстве и некоторыми фактами жизни семьи.

К сожалению, о жизни отца Наталья Львовна сохранила немного свидетельств. Этому есть свои причины. Никто не интересовался жизнью и творчеством ее отца после смерти. Это и побудило дочь сжечь письма, черновики статей, воспоминания матери и прочие бумаги. Она и свою переписку сожгла «и все записочки, которые мне писали (...) родители по

всяким домашним поводам. Они полны были нежности, часто – юмора, иногда печали или беспокойства, иногда хозяйственных указаний. Я не хочу, чтобы после меня они попали в чьи-нибудь руки. Для меня это драгоценность. Мои родители были люди чудесные, оба. Они прожили вместе 45 лет, очень разные, очень близкие, и самые дорогие друг другу и маме брату и мне. Отец был человек очень добрый, очень человечный и проникательный, и вместе с тем доверчивый, хотя и видел недостатки людей и смешные их качества. Он очень точно по внешности определял профессию и характер человека. Часто очень мило шутил, но всякий человек был для него человеком. (...) Его любили...». «Я могла бы писать и писать без конца. Я помню, как сейчас, его походку, голос, привычки, движенья, все, но это ведь невозможно. Задача, которую вы задали мне, и радостна и болезненна. Все от раннего нашего детства до конца. И ни разу не было, чтобы он рассердился или крикнул, хотя ему не все в нас нравилось, конечно». (Из писем Н.Л. Оршанской автору. Архив А.У. Грекова). Эти письма ныне – живые свидетельства бывших жизней.

Все, что осталось из документов Льва Григорьевича в квартире его дочери, было отдано автору с пожеланием что-нибудь написать об этом незаурядном человеке.

Его судьба, на первый взгляд, начиналась незамысловато. Он родился 4 сентября 1866 г. в Екатеринославе (ныне Днепропетровске) в мещанской семье, где он был четвертым сыном. Учился в городской гимназии. «Наша гимназия находилась в самом тесном контакте с местной духовной семинарией, где мы впервые увидели маленькие убористые листы революционных зарубежных изданий, – Вспоминал Л.Г. Оршанский. – В тиши маленького глухого провинциального города группа молодежи читала Спенсера, многотомного Куно-Фишера по истории новой европейской философии. Одновременно с этим под влиянием одной своеобразной женщины я познакомился с мемуарами декабристов Татьяны Пассек и другими историческими трудами, которые вызвали у меня и сохранили интерес к гуманитарным наукам. Харьковский университет оказался в ту пору менее захватывающим, чем гимназические кружки. Ввиду разнообразия моих интересов, я менял факультеты: был дважды на медицинском, некоторое время на математическом, и, наконец, на юридическом, откуда незадолго до конца был уволен за участие в беспорядках». (Из автобиографии Л.Г. Оршанского. Архив А.У. Грекова).

Уже этот небольшой фрагмент автобиографии рисует образ разностороннего юноши не чуждого гуманитарным наукам. Настоящая струя подводно сохранялась в нем всю жизнь, чтобы пробиться в 1910-20-е гг.

После ареста и высылки в провинцию Оршанский оказался в Берлине, где поступил на медицинский факультет университета. Он сразу же стал заниматься у основоположника учения о наследственности, профессора Грегора Менделя, в клинике профессора Жоли, а затем специализировался у крупнейшего психиатра-клинициста второй половины 19 в., основателя научной школы, профессора Эмиля Крепелина в Гейдельберге, где провел три семестра. В 1894 г. он получил степень доктора медицины.

«Многосторонние и разнообразные интересы Льва Григорьевича заставляли его слушать лекции и на других факультетах, а также посещать музеи, картинные галереи и выставки. Там зародилась у него страсть к собирательству книг, игрушек, этнографических и археологических предметов, а также всякого кустарного ремесла, о котором он впоследствии и писал книги и статьи», – отмечала в 1938 г. в рукописной биографии ученого его вдова. Диплом русского врача он получил в Дерпте (Юрьеве, ныне Тарту), а затем, приехав в Петербург, стал работать психиатром. Было это в 1897 г.

Список занимаемых им после революции должностей достаточно велик и разносторонен. И при всем этом он, по словам жены и дочери, находил время, чтобы много читать, заниматься любимыми хобби: собиранием и изучением детской книги и народной игрушки. (Заметим, кстати, что коллекция детской книги Л.Г. Оршанского ныне вошла в собрание Российской государственной библиотеки).

Как ни парадоксально, но, по воспоминаниям жены, «писал он немного за неимением времени и вообще он не любил писать. Все его заметки сводились к двум-трем словам, в которых только он один мог разбираться» (Из «Биографических сведениях о профессоре Льве Григорьевиче Оршанском». 8 апреля 1938 г. Архив А.У. Грекова).

Этим, по-видимому объясняется его небольшое литературное наследие. «Но говорил он на любую тему всегда плавно по четкому плану, который составлялся в его голове и был продуман заранее в самых мельчайших деталях. Случалось ему говорить и экспромтом, даже на немецком языке, и всегда он поражал своих слушателей, которые никак не могли поверить, что он не готовился к этому выступлению». (Там же).

По словам дочери, его всегда окружало много людей. Он дружил с С.Я. Маршаком. У него дома бывали К.И. Чуковский, Б.С. Житков, В.В. Бианки, Е.И. Чарушин. По-видимому, личное знакомство связывало его с Н.Д. Бартрамом и А.И. Денъшиным. «Денъшина я помню – внешне. – Пишет Наталья Львовна. – Он держался очень скромно и просто и был увлечен своим делом и рисунками (...) вятских игрушек». «Бывал у нас пару раз Анатолий Федорович Кони. Что связывало его с отцом я не знаю. Он был тогда очень стар, ходил, опираясь на две палки, согнувшись». (Из письма Н.Л. Оршанской автору. Архив А.У. Грекова).

Теперь предоставим слово самому ученому, возвращающему нас к своей студенческой молодости, протекшей в Германии. «Это пребывание в Германии навсегда определило круг моих интересов. И все, чем я потом занимался и о чем писал, имеет свое начало в этом периоде моей жизни. Это была эпоха блестящего состояния немецких университетов: программы включали в себя, кроме большого числа специальных предметов, целый ряд курсов мировоззренческого порядка: новейшие данные естествознания, философии, истории культуры, искусства, политическая история и др. Еще живы были крупнейшие ученые – последние энциклопедисты типа французских энциклопедистов 18 века – порода ныне окончательно вымершая – Дюбуа-Раймон, Гельмгольц, Вирхов, Куно-Фишер и несколько более молодые: Р. Гартман (эволюционист)... Герман Гримм, знаменитый историк Трейчке. Это было особого рода течение: энциклопе-

дичность, или научный дилетантизм, т.е. работа рядом со своей профессией над вопросом всей науки, искусства и культуры. Корифей науки, которые сами уже являлись памятниками отходящей эпохи, открывали высоты, с которых можно было видеть, как отдельные участки нашего человеческого знания сливаются в одно целое. Это было стремление найти начало и корень идей и явлений. Кто испытал на себе силу этих огромных горизонтов – никогда не мог потом замкнуться только в кругу своей специальности. (...) И поныне остаюсь при том убеждении, что стремление к универсальности в области научного мировоззрения остается величайшим источником новых идей духовного подъема и уловления родства между далекими друг от друга дисциплинами. Этой эпохе моей жизни я обязан тем, что последующие десятки лет я занимался одновременно психиатрией, еще и вопросами детства и искусства, и спокойно переносил укоры настоящих специалистов в том, что я этим отнимаю время от прямого своего дела. Дилетанты такого типа, какие вырабатывались старыми немецкими университетами, нужны по-своему не меньше узких специалистов». (Автобиография Л.Г. Оршанского. Архив А.У. Грекова).

Вплощая в жизнь эти идеалы универсального ученого, Оршанский, как и многие другие его выдающиеся современники, смог своей деятельностью приблизиться к идеалу – универсализму ученого.

«Со скамьи немецкого университета я стал заниматься искусствоведческими вопросами и шел здесь от высших форм искусства, как их рисовал в несравненной форме Герман Grimm, к искусству с одной стороны более древнему – к азиатскому, с другой стороны – к этнографическому (Африка, Южная Америка, северные окраины нашего Союза), и в третьих, – так называемому народному искусству. Последнее привело меня к изучению русского кустарного искусства, результатом чего явилась моя работа, заказанная мне издательством Академии художеств: «Художественная и кустарная промышленность СССР». По тому времени это была первая попытка общедоступного изложения всех художественных кустарных промыслов с охватом последнего десятилетия советского периода. Уже сразу по выходе книги в свет ряд иностранных издательств предложил переиздать ее с большим количеством иллюстраций. Жаль, что этого не произошло.

Сегодня нет возможности говорить об этой монографии подробно, но главный ее вывод, безусловно, ставит Оршанского в ряды самых ярких приверженцев народного творчества. Он гласит: «Оно (народное искусство - А.Г.) заслуживает гораздо большего внимания, чем то, каким оно пользуется и художественная оценка его в Европе все время будет возрастать». Эти слова оказались пророческими, однако вместе с тем не потеряли своей актуальности и по сей день.

«Одновременно с этим, – пишет Лев Григорьевич, – я изучал специально игрушку как произведение искусства и посвятил этому ряд печатных работ, начиная с 1913 года. В последние годы изучение игрушки привело меня к проблеме примитивной скульптуры и к вопросу о происхождении искусства. Этому вопросу посвящена моя работа, находящаяся в портфеле издательства «Academia». (Издана в 1923 г.).

Педагогические работы Оршанского также всегда имели какое-нибудь отношение к вопросам искусства. В 1908 г. в своих статьях в «Русской школе» он впервые в России поставил вопрос о детском рисунке, а затем и о детской книжной иллюстрации. Им были устроены несколько выставок иллюстрированных детских книг с 18 в. до первой трети 20 в. В том же 1908 г. по его плану была организована знаменитая экспозиция «Искусство в жизни ребенка». В 1909-10 гг. Оршанский заведовал отделением выставки игрушек в Академии художеств, в 1913 г. на Кустарно-промышленной выставке, а в 1923 г. – выставки в Музее города, экспонировал игрушки и книги на выставке в Дрездене (1923 г.). На выставке детских книг в Москве и Ленинграде (1928 г.) им был прочитан доклад «Полтора века немецкой детской книги».

Готовя к изданию свои работы, в первую очередь, «Историю детской литературы», исследователь посетил Германию, Францию, Великобританию, Данию и Швецию, где собрал большой иллюстративный материал. К сожалению, эта книга так и не была издана.

Игрушка и народное искусство, детский рисунок, искусство душевнобольных, как выявление возврата психики к примитивным средствам выражения – все это для ученого были части одной проблемы происхождения и наиболее ранних форм искусства. Так десятки лет работы в разных, казалось бы, областях сближают первоначально разрозненные научные задачи в одной большой объединяющей идее, «искать которую составляло и составляет величайшее наслаждение моей жизни». (Там же).

Такой комплексный подход к изучению искусства, где игрушка была одним из важнейших компонентов исследования, характеризует, пожалуй, все труды Оршанского, посвященные этим вопросам. Регулярно появлявшиеся в газете и журнале «Школа и жизнь», «Художественно-педагогическом журнале». Опубликованные в прессе статьи исследователя «Игрушки», «Искусство в жизни ребенка», «Игрушки с точки зрения этнографии, детской психологии и педагогики», а также обширный «Исторический очерк развития игрушек и игрушечного производства на Западе и в России» в сборнике «Игрушка: ее история и значение», выпущенном в свет издательством Сытина в 1912 г., а также, уже упоминавшаяся здесь монография «Игрушки» (Л., 1923), заложили основы понимания и изучения этого вида художественного творчества.

«Еще в 1912-13 гг. в целях знакомства с кустарным игрушечным производством я объехал Саксонию, Тюрингию и Баварию. – Пишет в своей книге «Художественная и кустарная промышленность СССР» автор. – В 1922-23 гг. я с той же целью был в тех же местах». Хорошо изучив предмет исследования, Оршанский обобщил имеющиеся у него сведения, снабдив их своими точными и актуальными по сей день комментариями. «Игрушечный промысел стоит особняком. Понять его можно, только учитывая интересы и вкусы ребенка... Игрушка и дети нераздельны. Они вне времени и места (...) Игрушки стары, как мир, но не имеют родины, не знают своего начала, они были, есть и останутся. Но меняются формы производства, техника, характер предъявляемых к ним требований». (Там же).

Такой подход позволил ему впервые построить общую периодизацию истории игрушки, начиная с ее появления и первых шагов рядом с искусством и до современного ученому периода. Называя свои опыты в этой области в статье «Русская крестьянская игрушка» «эволюционной историей крестьянской игрушки», Оршанский пишет, что это «ключ к истории культуры, которую приходится восстанавливать, как это делает археология, по остаткам пережитков и материальных памятников». Подтверждая эту мысль, он приводит данные о поразительном сходстве типов и форм народных игрушек примитивных народов, археологических игрушек и народных игрушек высоко культурных народов, что позволяет сделать вывод о том, что «игрушки сохранились нетронутыми на протяжении больших исторических периодов, тогда как другие формы искусства ушли далеко вперед, отсюда большая ценность примитивной крестьянской игрушки, как памятника». И еще один важный вывод делается исследователем: «Игрушки не только архаичны, они повсеместны, интернациональны, и так же, как сказки, являются лишь местным вариантом общечеловеческой сущности. Игрушки рождены в те времена, когда национальное своеобразие не успело отчеканиться, поэтому и дальнейшее развитие игрушки идет еще по путям первых ступеней культуры и мало поддается власти дальнейших видоизменений. Только этим можно объяснить, что народы, далеко разошедшиеся в своих культурных и социальных путях, могут иметь совершенно одинаковые крестьянские игрушки. (...) Еще один вывод: по-видимому, игрушка исторически не первична и переродилась из скульптуры религиозной, культовой (...) только позже скульптура связывается с детьми – то как куклы, подарки девочкам при совершеннолетию, то как символ плодородия, то как дар родительской любви умершим детям в гробик, и еще позже, как прямые игрушки (...) так, постепенно, игрушка освобождается от первоначального культового назначения и переходит к детям. В этом виде она доходит до наших дней». Сейчас многое из того, что было написано Оршанским, кажется аксиомой. Но в то время, когда писались эти строки, они имели пионерское значение.

Далее Оршанский предпринимает первую по времени классификацию игрушек, выделяя в них следующие четыре типа: народные, фабричные, художественные и педагогические; очерчивает границы кустарного (деревенского) и фабричного (городского) производства.

Сопоставляя русскую и зарубежную игрушку, он пишет, что «начало русской игрушки старо и коренится в русской деревне, в отдельных случаях около монастыря, где был для нее естественный сбыт среди народа. Это поистине народная игрушка, всем понятная, близкая, не надуманная; и форма ее, и орнамент, и сюжет – все общее с вышивкой, лубком, резьбой, какие вообще создало русское народное искусство». «До нашего времени дошли почти без изменения простые деревянные и глиняные игрушки, какими они делались в губерниях Владимирской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Вятской и др. 200 лет назад: коньки, птицы, человечки, медведи, бараны; отсюда они через ярмарки совершали длинный путь до Черного моря и далее».

Широта охвата материала позволила Оршанскому очертить ареалы распространения того или иного вида русской игрушки, охарактеризовать известные к тому времени центры производства. Широко используя материалы статистических отчетов и обследований, проводимых земствами, исследователь нарисовал яркую картину бытования народной игрушки в России.

Одной из важных и актуальных проблем современного не только ему, но и нам народного искусства, затронутых Оршанским, была проблема взаимоотношения между мастером-игрушечником и фабрикой. В то время она еще не стояла так остро, как сейчас. Но предвидя эту будущую остроту, автор пишет о необходимости облегчить им подготовительные работы, но не в коем случае не подменять прежнее устройство промыслов фабричным, как это было сделано через тридцать пять лет после публикации этих строк в 1961 г. «Работающая в качестве вспомогательной силы, фабрика не представляет опасности для русской народной игрушки и (...), освобожденный от излишней работы, кустарь-игрушечник сможет не только по-прежнему создавать интересные и новые игрушки, но сумеет завоевать и то, что ему не хватало – рынок».

Рассматривая игрушку, ученый само собой не мог оставить в стороне основных потребителей игрушки – детей. Им посвящены многие программы, составленные Оршанским. Вот, например, программа Педагогического института, располагавшегося некогда по адресу Москва, Остоженка, 53. Она называется: «Дети и игрушки», и ее результатом должен был стать одобренный каталог игрушек, рекомендованный разным возрастным группам детей. В нее вошла программа, составленная самим ученым, и вторая, написанная им в соавторстве с С. Холлом для наблюдения над развитием интереса к игре в куклы. Под таким же названием была опубликована и программа Оршанского, подготовленная Педагогическим музеем Учительского Дома в Москве (Малая Ордынка, 31).

В основании этих и других разработок ученого ложится тезис о необходимости «раздвинуть рамки прежнего подхода к игрушке», «вплотную придвинуть проблему игрушки к истории искусства, народного и примитивного (...) к примитивной психологии, понимая под этим ранние ступени культуры и ранний детский возраст. Это ставит проблему игрушки в зависимости от этнографии детского возраста».

Русская народная игрушка нуждается в построении ее эволюции. Эту большую проблему, по мнению ученого, можно разделить на ряд отдельных, внутренне связанных вопросов и, прежде всего, «игрушки и русское народное искусство». Отсутствие национальной специфики в форме, в лепке, «отличающейся всеми свойствами примитивной скульптуры», и следы местного национального в раскраске и орнаменте позволили сформулировать мысль о том, «что скульптура древнее, первичнее, более свободна от влияния места, времени, национальности, тогда как графика, особенно живопись и орнаменты, тесно связаны с нашими эмоциями и потому раньше становятся национальными. В одной и той же игрушке имеются, следовательно, элементы разных эпох и разной психологической обоснованности».

Следуя по пути, подсказанному логикой мышления, исследователь приходит к мысли об истории игрушечного сюжета и к вопросу о материале игрушки. Важным вкладом в теорию народного искусства стала и разработка ученым проблематики индивидуального.

Не менее актуальным и острым и в наши дни воспринимается слова Оршанского о значении русской игрушки для Европы, «где народное искусство отмирает и где героические усилия оживить его остаются бессильными». Там «наша кустарная игрушка оценена очень высоко», ибо «в этих маленьких предметах» хранится «свежесть и творческая сила». «Мы разрешили так свободно лепить и видеть такие свежие краски», говорил мне директор лучшей кустарной школы в Саксонии, разглядывая русские деревенские игрушки, – пишет Оршанский. – И пока эти краски и эти формы живы, как в нашем крестьянском искусстве, надо всеми силами поддерживать эти способности...».

Можно было бы и далее продолжать цитирование, однако уже всего того, что было сказано выше, достаточно, чтобы сформулировать тезис о неординарности и актуальности исследований Льва Григорьевича Оршанского для истории и теории русского народного искусства, а также всеобщей истории игрушки. Проблем, обозначенных им на этом широком поле, думается, хватит на многих. Да и те, которые уже решены и разработаны, получили первоначальную постановку почти столетие назад. Наш долг, современных исследователей, не забывать о наших предшественниках, положивших свое здоровье и время, талант и душевные силы на благо науки о народном искусстве.

«В течение многих десятков лет я проводил значительную часть моего дня в общении с тяжелыми преступниками и с безумными, а часы глубокой ночи в изучении искусства, сначала в его сложных, а потом – в его простых детских и изначальных формах. Должен ли так поступать специалист или нет, я не знаю, но я остался верен тому пути, на который вступил когда-то, слушая блестящих представителей блестящего века». Такими словами заканчивает свою автобиографию Лев Григорьевич Оршанский. Закончим ими и мы это небольшое жизнеописание одного из ярких представителей школы научного дилетантизма конца 19-первой трети 20 вв.